

Александр Казинцев
Последний романтик

// Киселев И.М. Под солнцем и ненастьем: стихотворения.
– М.: Сов. Россия, 1989. – С. 3-11.

Судьба подлинного поэта неповторима. И все же жизнь и стихи Игоря Киселева, трагически рано ушедшего из жизни поэта из глубинной России, заставляют вспомнить Николая Рубцова. Речь не о внешнем сходстве манер, тем более не о подражании. Киселев и Рубцов не знали друг о друге, хотя жили в одно время. В данном случае следует говорить о куда более существенном внутреннем родстве. Это были два последних романтика, которым в экстремальных условиях современной свехурбанизированной действительности предстояло доказать истинность и жизненность высокого пафоса, доброты, надежды, незащищенной веры в человека - драгоценного (и мучительного) наследия русской романтической лирики.

Поэт-романтик создает собственный мир, в котором больше тепла, мечты и душевности, чем в окружающем его мире. С этого момента он призван быть защитником своего творения, странствующим рыцарем, готовым жизнью подтвердить верность провозглашенных идеалов. Да-да, рыцарем, хотя сегодня эта роль не просто нелепа, она трагична. В сущности, Рубцов и Киселев с самого начала были обречены. Но они не уклонились от предназначенного им пути.

Предчувствием беды проникнуты многие стихи Киселева. «Перецвет» - его первая книга названа по стихотворению, где с какой-то щемящей болью сопричастности рассказывается об осеннем цветении деревьев накануне холодов:

Зажглись доверчивые свечи
От запоздалого тепла.
К себе прислушиваясь чутко,
В тычинках пестуя плоды,
Цветы упрямо ждали чуда,
А надо было ждать беды.
Был вечер солнечным настолько,
Настолько солнечной река –
Никто не видел, что с востока
Плывут слепые облака.

А на рассвете непогода
Уже шумела за дверьми,
Как будто плакала природа
Над неразумными детьми...

Областная газета, 1966 год. Фотография улыбающегося Игоря Киселева - чудесное русское лицо: высокий лоб, мягкие, не желающие ровно лежать волосы, доверчивые и задумчивые глаза, широкие скулы. Рядом с

фото слова о том, что у него выходит первая книга стихов, книга, так пророчески названная.,.

Драматическое предчувствие судьбы не побудило отречься от призвания, предать романтическую Надежду (именно так, с большой буквы!). Он знал - в современном мире Надежда, быть может, как никогда нужна людям. Поэтическое слово рождается сегодня в выматывающем мельтешении будней, среди мишуры масскультуры. Еще одна старая газета - со статьей о стихах Игоря Киселева. Статья помещена на последней странице - место, традиционно отводимое литературным материалам - между сообщением о футбольном матче и киноафишей. Глаз то и дело невольно фиксирует: «Новый широкоформатный американский художественный фильм «Бегущий человек»; «Новый аргентинский цветной художественный фильм «Мне нравится эта девчонка»; просто «Новые центурионы»... Случайное соседство? Отчего же, скорее, жизненный контекст.

И. Киселев предельно демократичен в своих творческих установках. Он не просто знал, что его адресат отнюдь не рафинированный ценитель изящного, он любил этого «обыкновенного» человека, по выходным покупающего билет на какое-нибудь «цветное широкоформатное» действие, с увлечением читающего репортажи о футбольных матчах, живущего на фоне включенного телевизора. Любил и стремился помочь. Потому что знал - приходит время, когда весь этот теле- и киноуют перестает удовлетворять запросы живой души:

Тебе осточертели –
Такая полоса –
И радио-, и теле-,
И киночудеса.

И хочется простого:
Сиянья и простора,
Предугрненной звезды,
Колодезной воды.

Писал Киселев именно о «простом». О большом дереве, к которому после скитаний под дождем можно «как к другу, прижаться мокрою спиной», о лиственном шорохе, о звездах, плывущих «по древней и тайной тропе».

Но он не был бы романтиком, если бы под его рукой «простой» мир не преображался бы - трепетно и потаенно. И вот уже прозаичный погасший фонарь оживает и требует сочувствия поэта - «потому что фонарю скучно одному». А пароход не просто подает сигнал - «трубит, как добрый слон».

Мир предстает живым, чутко отзывается на радость и боль. Поэт рассказывает о нем доверительно, с грустной улыбкой. Интонация стихов Игоря Киселева поразительно подвижна - и естественна. Прозаичные описания сменяются патетикой, которую смягчает добрая усмешка. И все озарено светом обнаженной душевности, определяющей общий настрой стихов, вносящей гармонию в причудливую смену интонаций.

Задушевность, искренность стихов Киселева - качество настолько редкое сегодня, что временами оно воспринимается как нарушение литературных канонов, современных «правил этикета». Наверное, только в далекой русской провинции люди не разучились говорить так безоглядно и бесхитроно.

Кстати, о провинции. Когда я два года назад впервые представил стихи Игоря Киселева всесоюзному читателю, его земляки обиделись за слово «провинция». Совершенно напрасно - наиболее яркие художественные явления возникают в последние десятилетия именно на периферии (блистательный пример - проза В. Распутина, В. Астафьева, В. Белова, В. Лихоносова). Литературная централизация, как и централизация экономическая, привела к тому, что центры оказались в плену стереотипов и догм...

Игорь Киселев не боится показаться наивным, добрым, порою сентиментальным. Иная чересчур сентиментальная строка, патетический оборот в его стихах способны покоробить строгого ценителя поэзии. Но достоинства открыто эмоциональной манеры с лихвой искупают ее недостатки.

Стихи Киселева удивительно свободны, непреднамеренны. Нас буквально задавили произведения всех стилей и жанров, написанные для чего-то, с целью, с «направлением». Один писатель едко подметил - иной раз кажется, что все в окружающем нас мире происходит с какой-то целью, даже безоблачное синее небо не просто безоблачное - оно для чего-то такое синее...

Непреднамеренность - свидетельство душевной чистоты и раскрепощенности. В давние времена этот высокий дар, отличающий настоящее искусство от декларативного, называли прекрасным словом - моцартианство.

Свобода стихов Киселева обусловлена и его мастерским владением сюжетом. Воображение поэта-романтика преодолевает путы бытовой ситуации, и читатель изумленно взирает на рождающиеся одна за другой сказочные сцены. Смотрите:

Что такое стряслось с человеком?
Бьет бедой, как огнем, из-под век.
Не в ладу ни с женою, ни с веком,
Ни с собою самим человек.

Я кручину его не развею.
Горьких жалоб его не пойму.
И уходит он, хлопая дверью.
А куда он уходит? К кому?

Это начало. А дальше расправляет яркие полночные крылья фантазия:

Может быть, приведет его случай

К перекрестку, где камень горячий,
На котором заметны едва
Позабытых преданий слова.

В сказочном карнавале мелькают «сивка-бурка с конем-горбунком»,
царевна Василиса, леший... Но поэт не дает этому пестрому карнавалу
заслонить человеческую боль. Он возвращает нас на землю. Подводит к
развязке - грустной, возвышенной, земной:

Ничего он такого не ищет,
Ничего он такого не ждет.
Просто в смутном лесу за рекою,
Предрассветную слушая тьму,
Он к земле прикоснется щекою,
И земля прикоснется к нему...

Исповедальность, тяга к разговорному сюжетному стиху - приметы
эпохи, роднящие творчество Игоря Киселева с произведениями поэтов 60-х
годов. Да, он сформировался в конце 50-х - начале 60-х, хотя первая книга
увидела свет только в 1966 году в Кемерове. В этом сибирском городе вышли
и последующие пять сборников (пятый - «Благодарю, земля, благодарю» - в
1983 году, уже после смерти поэта).

Тут бы к месту рассказать биографию Киселева. Но ее вехи предельно
скупы - родился в 1933 году в селе Павловское на Алтае. Окончил
Новосибирский пединститут. После армии переехал в Кемерово, где прожил
большую часть жизни. Работал редактором в местном издательстве, щедро
издавал молодых. Плавная, без резких поворотов дорога, внезапно
оборвавшаяся на подъеме. Киселев умер в 1981 году. Ему не было
пятидесяти.

Войдя в литературу вместе со сверстниками, И. Киселев в отличие от
многих не стал осаждать столичные издательства. Сверстники торопились
занять вакантные места поэтических герольдов эпохи. Киселев не торопился.
Даже когда судьба предоставляла, казалось бы, верный шанс. На совещании
молодых писателей Сибири в начале 60-х его стихи отметил Ярослав
Смеяков. Дана была рекомендация, позволяющая обратиться в издательство
«Молодая гвардия». Киселев не воспользовался ей. Ему казалось, что
поэтический голос еще недостаточно окреп, чтобы говорить, обращаясь ко
всей России.

А может быть, это была не только редкостная требовательность к себе,
почти непредставимая сегодня, когда стихотворцы, едва опробовав голос,
требуют книг, премий, телепопулярности? - Чувство самосохранения,
рожденное несуетливым достоинством, сознанием того, что ему предстоит
собственный, не утопанный десятками сверстников путь.

Киселев сознательно отклонил соблазн ринуться на слепящий блеск
столичной литературной жизни. Долгие годы он оставался в провинциальной

тени. Зато ничто не мешало ему радоваться без натуги и горевать без позерства. Ничто не нарушало сосредоточенности, с какой поэт вслушивался в движения собственной души и в голоса природы, таинственное дыхание земли, к которой припадал его измученный разладом с веком герой.

Жизнь природы - близкой, незащищенной - деревьев на загазованном бульваре, рощицы на окраине, обреченной пойти под нож бульдозера, оврага, превращенного в городскую свалку, жизнь травы, коней, птиц - основная, излюбленная тема Игоря Киселева. Он упоенно признавался: «Я стал ощущать себя частью деревьев, и звезд, и воды». Изумленно записывал:

Внезапно я вздрогнул от жажды,
Почувствовав жажду земли.

Я сбился с ослепших тропинок,
Бессильной тоской исходя,
И тысячью хрупких травинок
Я ждал, задыхаясь, дождя.

Подумав: должно быть, я болен,
Упал от дорог вдалеке.
Но был я и лесом, и полем,
И птицей, летящей к реке.

Подлинный поэт всегда современен. Независимо от того, чьим сверстником он был. Чьи бы нотки ни звучали в его голосе, чьи бы приемы ни узнавались в его поэтике. Нам, вынужденным наконец прислушаться к грозным пророчествам экологов, нам, дожившим уже до «закрытых» морей и рек, до пропахшего химией лесного ветерка, до снеди, перенасыщенной пестицидами, - нам должно быть ясно, насколько современна живая связь с природой, которую легко обнаружить в поэзии Игоря Киселева.

Но напрасно мы стали бы искать в ней эгоистическое беспокойство о собственном будущем. Киселев сопереживал природе не потому, что страшился экологической катастрофы. Хотя он осознал ее приближение задолго до ученых, которые десятилетиями тешили нас розовыми идиллиями:

Все тревожней человеку стало
Ждать, откуда свалится беда:
Наводненья, оползни, обвалы,
Зной, землетрясенья, холода.

Не предвидя тяжести расплаты, -
А она придет, и поделом! –
Мы в природе, словно оккупанты
В городе, что сдался нам в полон.

Без раздумий, силы тратя щедро, -

Что и говорить, богатыри! –
Мы планете взламываем недра:
Посмотреть, что у нее внутри.

Поэт предвидел «тяжесть расплаты». Но, как это ясно из процитированных строк, он сострадал не только человеку - земле. Земле, в первую очередь, ибо она оказалась беззащитной перед человеком. Ни тени корысти - поразительная нравственная чистота позиции!

Разумеется, Киселев писал не только о природе. Да и нельзя в конечном счете подразделять подлинные стихи по темам. Мир Игоря Киселева удивительно богат. Но думаю, он не нуждается в подробном критическом путеводителе. Достаточно было назвать ориентиры - книга открыта, все остальное читатель увидит сам.

...Незадолго до смерти Игорь Киселев написал стихи, которые, как это нередко бывает у истинных поэтов, предсказали его судьбу:

На первое стихотворенье,
На первый вздох и первый взгляд,
Слетает легкий снег забвенья,
Снежинки мягкие летят.

И перед этой зыбкой шалью,
Означенной едва-едва,
Бессильны все мои слова.

Не скоро сеет снег, не скоро,
И прячутся в его тени
Уже неясные для взора
Слова и сны, дела и дни.

Прекрасные стихи, высвеченные светом, «которому имени нет». Доказывающие с неопровержимостью, что слова все-таки не «бессильны» - слову поэзии дано воскрешать минувшее.